

Суверенитет без суверена – подлинная проблема современности

Москвин Дмитрий Евгеньевич
аспирант, магистр политологии

Уральский государственный университет им. А.М. Горького, факультет политологии и социологии, Екатеринбург, Россия
dmitry_moskvin@mail.ru

Государственный суверенитет – понятие с многовековой историей. Возникший ещё в средневековой Европе, в условиях иерархизированного общества и имея чёткие духовные основания, суверенитет со временем приобрёл исключительно правовое звучание, и с утратой на рубеже XX-XXI вв. социального и политического многими ставится под сомнение необходимость в этой категории. За рамками начавшихся в минувшем году обсуждений концепта «суверенной демократии» остаётся важнейший аспект суверенитета – наличие суверена. Однако невозможно предположить действие без актора его совершающего, тем более, что на протяжении столетий в политической философии велись дискуссии не столько о смысловом наполнении суверенитета, сколько о его носителе.

Сегодня очевидно, что суверенитет – это деятельность, ограниченная деятельностью иных акторов и образуемых ими систем. Она может иметь лишь претензию на абсолютизацию, но в случае её реализации превращается в узурпацию. Современные глобальные процессы требуют современной же интерпретации понятия «суверенитет». Два специфических вида деятельности позволяют политическому актору претендовать на суверенный статус: 1. *Смыслозадавание* - умение создавать и навязывать собственные смыслы происходящему, по-своему видеть и обустривать будущее. 2. Овладение «*схемами общественного переустройства*»¹, когда навыки технологическими приёмами общественных изменений в других политиях становятся главным оружием в борьбе за самовывживание и контролирование ресурсов. Это понимание расширяет традиционную формулу суверенитета, поскольку выходит за рамки абсолютных или «самодержавных» действий государственной власти, но приписывает ей императивность некоторых функциональных обязанностей.

Тотальное господство демократического дискурса приучило нас к мысли, что единственным источником суверенитета может быть народ, что только апелляция к его воле способна решить ключевые политические проблемы. С 200-летним промежутком, но с одинаковой формулы начинаются Конституции США и России: «We the People of the United States...» и «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...». Чем больше народ становился самодержавным властителем, чем больше формальность процедур его политического участия противоречила глубине и пафосу политикофилософских заявлений, тем очевиднее становилась тупиковость апологетики этого тренда. В итоге в начале XXI века сложилась общественно-политическая конструкция, лишённая главного действующего лица, суверенитет без явного суверена, глобальное блуждание в поисках наиболее справедливого устройства совместной жизни.

Начавшееся с Жан-Жака Руссо утверждение народа как единственного возможного суверена завершается сегодня с пониманием грандиозной мифологичности подобной политико-философской конструкции. Современная ситуация может характеризоваться как кризисная: «триумф» экономизма заменил гражданина потребителем. Накопительство и обмен вещей, ориентация на личный успех и приобретение символического капитала (публичного статуса, элитных товаров и пр.) делают человека заложником чужой воли, объектом бесконечного манипулирования. Это, в свою очередь, не позволяет народу быть субъектом, творцом собственной истории, т.е. подлинным сувереном. «Молчаливое большинство» всё более внутренне атомизируется, всё более приближается к апокалипсической картине имплозивной, сосредоточенной перед

¹ Попов С.В. Методологически организованная экспертиза как способ инициации общественных изменений. // Кентавр, 2000 №23 - <http://old.circle.ru/kentavr/TEXTS/023PP1.ZIP> (14.12.2006.)

экраном телевизора или компьютерным монитором массы. Народ – это великий никто; в эпоху, когда общество превратилось в «матрицу», в которой важны выполняемые индивидами и группами социальные роли, совокупность людей может быть «гражданами», «населением», «электоратом», «зрителями» и пр., т.е. выполнять конкретную функцию; в данной ситуации «народ» - это лишённое всякого смысла обобщение, «пустышка», правда, очень удобная для политического манипулирования.

В 1920-х гг. Карл Шмитт сформулировал тезис: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»². Т.е. суверенность репрезентуется в крайней, предельной ситуации, когда возникает потребность выйти за установленные рамки. Это превращение в творца собственной истории. Только тот, кто не вписывает себя в порядок вещей и обстоятельств, а создаёт их сам, есть подлинный суверен современности.

Подлинным сувереном может быть не каждый; подлинный суверен должен демонстрировать свой суверенный статус; этот статус должен в конечном итоге быть признаваемым. Суверен – это тот, кто задаёт смыслы происходящего, способен задать новые измерения и оценки, создаёт, наконец, схемы общественных изменений. Может ли народ или масса быть таким сувереном? Может ли им быть электорат? Могут ли им быть честные налогоплательщики, стремящиеся откупиться от государства, но прикупить при этом новую стиральную машину или эксклюзивную марку телефона? Очевидно, что нет. Великая проблема современности – отсутствие суверена в условиях необходимости суверенитета!

Сегодня сувереном может быть лишь определённым образом оформленная и встроенная в механизмы высшего управления группа, члены которой обладают специфическим мышлением и монополией на определённые политические ресурсы. Это отчасти «аристократия духа», осознающая свою ответственность и готовая действовать, исходя из понимания общей целесообразности. Кроме того, необходимым образом должен существовать механизм преемственности, ибо суверенитет должен быть постоянным и неделимым. Фактически речь идёт об особой когорте элиты или аристократии в изначальном значении этого слова, это одновременно интеллектуалы и профессионалы. Главная проблема – организационное оформление такой группы, чтобы она не превратилась в аналог Политбюро и не замкнулась в выработке собственных стратегий выживания. В любом случае, возвращение суверена – это требование текущего момента, ибо обезличенный суверенитет – это всегда узурпация, или анархия.

² Шмитт К. Политическая теология. Сборник – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – с. 15.